

18+

СТАЛЛИСА ТРИФФ

Я ТВОЙ
КОШМАР

Стэллеса Трифф

Я твой кошмар

«Издательские решения»

Трифф С.

Я твой кошмар / С. Трифф — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Каждую субботу — сто одна и тысяча одна алая роза.
И новое убийство мужчин, которые появляются в моей жизни. Он убивает
их у меня на глазах и оставляет одну алую розу. Говорят, у Сталкеров нет
лица, но я помню его глаза. Я видела их в последний раз семнадцать лет назад
в домике за гаражами, где пахло розами и большой детской любовью. Книга
содержит нецензурную брань.

© Трифф С.

© Издательские решения

Содержание

1	7
2	8
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	14
9	15
10	16
11	17
12	18
13	19
14	20
15	21
ГЛАВА 1	22
ГЛАВА 2	28
ГЛАВА 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Я твой кошмар

Стэллеса Трифф

© Стэллеса Трифф, 2026

ISBN 978-5-0071-0045-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плейлист

FORTUNA 812 — КОШМАР.

Блэйзи? — Ножи.

CHRIS GREY — LET THE WORLD BURN.

DEEP-EX-SENSE — NEUROTOXIN.

VESSEL — RED SEX.

*Грань между любовью и одержимостью
измеряется не силой чувства,
а тем, готов ли ты разрушить то,
что любишь, лишь бы не отдавать
смысл своей жизни.*

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

ГЛАВА 1

Память — предатель. Она не хранит прошлое, как аккуратные папки в архиве. Она прячет осколки стекла среди ваты. Ты думаешь, что всё зажило, забылось, затянулось гладкой тканью взрослой жизни. А потом один звук, один запах цветов — и стекло впирается в самое нутро, разрезая на части того ребёнка, которым ты когда-то была.

Меня зовут Леся. Мне двадцать пять, и у меня всё есть. Вернее, всё, что должно быть у девушки моего возраста и профессии. Квартира в центре города, вид на огни, которые никогда не гаснут. Контракты. Фотосессии. Имя на афишах мелким, но уже заметным шрифтом. Леся Костенко. Я научилась улыбаться так, чтобы в уголках глаз собирались лучики — «искренне». Научилась плакать по команде режиссёра — одна слеза, ровно по щеке, не размазывая тушь. Это и есть актёрство, не так ли? Искусство казаться, а не быть.

Но никакой «метод» не подготовит тебя к главной роли. Роли самой себя в кошмаре, который ты сама когда-то допустила.

Это началось с роз. Алых, как кровь из пореза. Как язык пламени. Каждую субботу, ровно в десять утра, курьер в белых перчатках вручал мне их. Сто одну розу. С подписью «Я твой кошмар, Лесёнок». И написано это было кровью.

Просто эти бархатные, почти чёрные в глубине лепестки, тяжёлые, как предчувствие. Мой агент смеялся. А я смотрела на эти цветы, и по спине бежал холодный пот. Не знаю почему. Инстинкт. То самое животное чутьё, которое мы, цивилизованные люди, так старательно в себе душим.

Но чтобы понять страх, надо вернуться к его корню. К месту, где страх родился. В детстве, которого у меня не было.

Мне было восемь. И я жила не в доме, а в «учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Длинное, казённое название для большого, серого, вечно пахнущего капустой и хлоркой здания на окраине города. Мир был поделён на «их» и «нас». «Они» — воспитатели, уставшие, с потухшими глазами, раздававшие макароны на обед. «Мы» — стая детей, выживающих как умеет.

Но в этой стае была своя иерархия. На вершине — старшие. Им было по пятнадцать-шестнадцать, и они были уже не детьми, а какими-то грубыми, опасными подобиями взрослых. Они курили за гаражами, таскали портвейн, и их власть была абсолютной. А в самом низу... в самом низу были мы с Димкой. «Глазастики». «Мутанты».

Потому что у меня были разные глаза. Правый — тёплый, орехово-карий. Левый — зелёный, как лесной омут. Медицина называет это гетерохромией. В детдоме это называлось проклятием. Признаком уродства. Димка был моим отражением в кривом зеркале: его правый глаз был небесно-голубым, а левый... левый казался просто очень тёмным, почти чёрным. Мы были друг для друга единственным доказательством, что мы не уроды. Что мы — особенные. Два островка в одном враждебном океане.

Он звал меня Лесёнок. Не Леська, не Леся, а именно Лесёнок. Такой маленький, беззащитный зверёк из сказки, которого надо прятать в карман и оберегать.

— *Лесёнок*, не смотри на них, — шептал он, когда нас окружали, тыкая грязными пальцами в наши лица. — Закрой глазки. Они тупые и не понимают ничего.

— Эй, мутанты! Смотрите друг на друга и не сходите с ума! Ха-ха! — орал Артём, самый крупный и злой из старших. У него было лицо, заплывшее ранней грубостью, и запах перегара, который, мне кажется, вьёлся в него навсегда.

— Давай, Артём, спросим, у кого из них глаз настоящий? Может, они по одному ворванному ходят? — поддакивал его тень, тощий Глеб с хищным лицом.

Нас толкали, дёргали за волосы, выхватывали из рук жалкие игрушки. Но самым страшным был не страх. Самым страшным было чувство стыда. Стыд за свою особенность, которая делала нас мишенью. Мы мечтали быть серыми, невидимыми. Но наши глаза кричали о нас на всю вселенную.

Единственным нашим убежищем был старый домик за гаражами. Когда-то там жил сторож, а потом его забросили. Мы нашли его случайно и сделали своим. Это была наша крепость. Наша планета. Там пахло пылью, старым деревом и свободой. Мы хранили там «сокровища»: цветные стёклышки, красивую пуговицу, несколько конфетных фантиков. Там мы могли говорить. Мечтать. Димка мечтал стать космонавтом. Улететь так далеко, чтобы смотреть на Землю и не видеть АПРЕЛЬ никакого детдома. А я... я мечтала, чтобы у меня была мама. Одна, самая лучшая, которая обнимет и скажет: «Какие у тебя красивые глаза, дочка». Не «разные». А именно красивые.

Мой день рождения — 17 октября — всегда был самым ужасным днём в году. Потому что его не было. Никто из взрослых не дарил подарков. Никто не пел песню. Воспитатели ставили в журнале галочку, и всё. Но кроме Димки. В тот год, в тот самый, Димка прошептал мне на ухо за неделю до даты:

— Лесёнок, я всё устрою. Настоящий день рождения. В нашем доме. Никто не узнает.

И он исчез. Не в прямом смысле. Он стал пропадать после ужина, уходить куда-то с таинственным и озабоченным видом. Я боялась, что он нашёл других друзей. Что бросит меня. Одиночество с ним было терпимым. Без него — невыносимым.

И вот настал тот вечер субботы. Моросил холодный осенний дождь. Ужин — серая перловая каша. После отбоя, под одеялом, я дрожала от страха и предвкушения. Ровно в десять, как мы и договорились, я услышала лёгкий стук в стекло. Это был он. Мы, как два диверсанта, проползли через дыру в заборе и побежали через мокрый, тёмный двор к нашим гаражам.

— Закрой глаза, Лесёнок, — сказал Димка перед самой дверью. Его голос дрожал от волнения.

Я закрыла. Он взял меня за руку — его ладонь была шершавой, тёплой и самой родной на свете — и ввёл внутрь.

— Можно смотреть.

Я открыла глаза. И забыла как дышать.

Он украл электрическую гирлянду. Не новую, яркую, а старую, советскую, с большими разноцветными лампочками. Она была обмотана вокруг единственной целой балки, и её свет, тёплый, немного мигающий, заливал всё помещение волшебным, тёплым сиянием. На полу, на старом ящике, на всех уцелевших поверхностях лежали розы. Не букеты, а просто бутоны, стебли. Где он их взял? Украл в оранжерее? Подобрал на помойке возле цветочного магазина? Не знаю. Но их было много. Десятки. И все они были алыми. В этом мигающем свете гирлянды они казались каплями чистой, совершенной красоты. Он собрал для меня весь мир и упаковал его в этот старый сарай.

— С днём рождения, Лесёнок, — прошептал он, и его разноцветные глаза сияли таким счастьем, такой гордостью, что у меня комок подступил к горлу.

Я не могла вымолвить ни слова. Я просто кинулась к нему и обняла, вцепившись в его худую спину, пряча лицо в его старенькой, поношенной куртке. Плакала. Тихо, навзрыд. Это были слёзы той девочки, которая впервые в жизни почувствовала себя не уродливой сироткой, а принцессой. Единственной и любимой.

— Спасибо, — выдавила я наконец. — Спасибо, Дима. Это... это самое красивое, что я видела за всю свою жизнь.

Мы сидели на старом матрасе, смотрели на огоньки, и он рассказал, как неделю копил хлеб из столовой, чтобы поменять его у дворника на эту гирлянду. Как собирал розы на заднем дворе магазина — те, что выбросили, чуть подвявшие, но всё ещё прекрасные. Он сделал это. Для меня. В этот момент я любила его так, как только может любить восьмилетнее сердце: безоговорочно, целиком, как точку опоры во всей вселенной.

А потом дверь с треском распахнулась.

В проёме, заливаемые косым дождём, стояли они. Артём, Глеб и ещё один, Слава. От них волной накатило знакомое, тошнотворное зловоние: перегар, пот, злоба. Они были пьяны. Глаза у них блестели мутным, животным азартом.

Тишина в домике стала звонкой, ледяной.

— О-па, — растянул Артём, шатаясь, переступая порог. — Что это у нас? Мутанты свидание устраивают? Цветочки, огонёчки... Красиво, бля.

— Вы... что вы здесь делаете? — встал Дима. Его голос был тонким, но в нём была попытка твердости. Он шагнул вперёд, заслоняя меня собой.

— Мы-то? Мы по своим владениям гуляем, — Артём развалился на ящике, раздавив ногой несколько роз. Хруст лепестков был ужасно громким. — А это наши владения. Всё тут наше. И вы тут живёте, потому что мы разрешаете. А вы, гады, ещё и свет тут устраиваете. Электричество ворованное, да?

— Уходите, — сказал Дима. Я видела, как дрожат его колени.

— Ага, щас, — фыркнул Глеб. Он подошёл к гирлянде и дёрнул за неё. Лампочки мигнули и погасли, одна лопнула с тихим хлопком. — Красота-то какая. Бесплатно. А мы, между прочим, на дискотеку хотели, да денег нет. Вот несправедливо, а? Мутанты в красоте купаются, а нормальные люди — нет.

— Это не ваше! — выкрикнула я, не своим голосом, из-за Диминой спины.

Артём медленно перевёл на меня взгляд. Его глаза остановились на моём лице, на глазах. Он ухмыльнулся.

— О, наша разноглазая заговорила. А мы тебя, кстати, не трогаем. Ты вон какая... интересная. — сказал он тихо. — А вот этот... твой главарь... Он нам за всех должен. За то, что вы тут без спросу. За свет. За пафос.

Они набросились на него. Не как в кино — не для драки. Для издевательства. Они повалили его на пол, в пыль и растоптанные розы. Глеб сел ему на грудь. Артём вытащил из кармана пачку сигарет.

— Держи его, — бросил он Славе.

Слава, туповатый и сильный, скрутил Диме руки. Дима не кричал. Он смотрел на меня. Широко открытыми глазами — голубым и чёрным. В них был не страх. Было предупреждение. «Не двигайся. Молчи. Всё будет хорошо».

Артём закурил, сделал глубокую затяжку, и кончик сигареты раскалился докрасна.

— Говорят, если прижечь мутанта, он станет нормальным, — философски изрёк он и приложил тлеющий кончик к тыльной стороне Диминой ладони.

Шипение. Я зажмурилась, но звук и запах палёной кожи проникли прямо в мозг. Дима вскрикнул — коротко, подавленно, стиснув зубы.

— Видишь, Леся? — Артём обратился ко мне, как к зрителю. — Он пищит. Как щенок. Хочешь, ещё раз?

— Оставьте его! — завопила я, рванувшись вперёд, но Глеб отшвырнул меня так, что я ударилась головой о стену. В глазах потемнело.

— Сиди и смотри.

Он прижёт Диму ещё раз. На руке. Потом — через тонкую ткань рубашки на плече. Каждый раз — это шипение. Каждый раз — содрогание его тела. Каждый раз — его взгляд на мне. Он не плакал. Он смотрел. А я смотрела, заворожённая ужасом, парализованная им, как

кролик перед удавом. Я не могла пошевелиться. Не могла закричать. В горле стоял ледяной ком, а всё тело была мелкая дрожь.

— Слабо, — проворчал Артём, наконец отнимая сигарету. — Не орёт даже. Надо пошумимей.

Он потянулся в карман и вытащил плоскую стеклянную поллитровку. В ней ещё плескалось немного водки. Он отпил, протянул Глебу.

— Давай, приобщим мутанта к культуре.

Глеб взял бутылку, но вместо того чтобы пить, резко опустил её и ударил горлышком об пол у Диминой головы. Стекло лопнуло с оглушительным треском, осколки брызнули во все стороны, запах водки стал резким, удушающим.

— Бля, — равнодушно сказал Артём. — Теперь не выпить. Ну и хуй с ним.

Он поднялся, пошатываясь. Вытащил зажигалку. Дешёвую, пластиковую. Щёлкнул ею. Огонёк загорелся.

— Знаешь, что происходит, когда водка и огонь встречаются? — спросил он меня. Его лицо в свете зажигалки было лицом дьявола из моих самых страшных снов.

Он наклонился и поднёс огонь к луже водки и осколков.

Вспыхнуло мгновенно. Сине-жёлтым, почти невидимым в свете дня, но сейчас ослепительным языком. Огонь лизнул пол, сухую древесину, остатки старой мебели. И... Димину куртку. Она вспыхнула, как бумага.

Тут Дима закричал. По-настоящему. Дикий, раздирающий душу крик живого существа, которое горит.

— Вот! Вот так веселее! — захохотал Артём.

Они отступили к двери. Пламя уже бежало по стене, пожирая наши «сокровища», гирлянду, розы. Дым — едкий, чёрный — начал заполнять помещение.

— Дима! — наконец вырвалось у меня. Я рванулась к нему. Он катался по полу, пытаюсь сбить пламя с рукава.

Артём ловко поймал меня за шиворот, как котёнка.

— Куда, красотка? Иди с нами. Тут тебе делать нечего.

— Нет! ДИМА! — я билась, царапалась, но его руки были железными.

Он вытащил меня на улицу, в холодный, промозглый дождь. Глеб и Слава выскочили следом. Последним вышел Артём. Он обернулся на пороге. Дима поднялся на колени, его фигура, объятая дымом и пламенем, металась в аду огня. Артём ухмыльнулся, взялся за ручку двери и захлопнул её. Я услышала щелчок. Он её ЗАПЕР. Старым ржавым крюком, который мы никогда не использовали.

— Дима! — закричала я в полную силу, в царапающее горло отчаяние. — ДИМА!

— Тише, сука, — Артём ударил меня по лицу. Звонко, по-взрослому. Мир поплыл. — Слушай сюда, мутантша, — он пригнулся, и его перегарящее дыхание обожгло моё лицо. — Если кому-то слово скажешь — найдём и сожжём тебя также. Прямо в постели. А потом скажем всем, что это ты его зажгла. Тебя никто никогда не возьмёт. Поняла? Никто и никогда. Будешь тут гнить, пока мы тебя по одному куску не разберём.

Его глаза были на сантиметр от моих. В них не было ни капли человеческого. Только плотоядная, абсолютная власть. Он знал, что сломает меня. И он сломал.

Они потащили меня обратно к корпусу. Я шла, как автомат. Не чувствуя ног. Не чувствуя дождя. В ушах стоял тот крик. И треск огня. И хруст роз под сапогами Артёма. Я обернулась лишь раз. Из щелей в домике уже вырывались длинные, жадные языки пламени, оранжевые на фоне чёрного неба. Дым столбом уходил в дождь.

Он там. Один. Он горит. А я... я иду.

Меня затолкали в наш корпус, в нашу комнату. Они что-то ещё говорили, угрожали, но я уже не слышала. Я упала на свою кровать, зарылась лицом в колючее одеяло. Тело была круп-

ная, неконтролируемая дрожь. Внутри была пустота. Чёрная, бездонная, холодная пустота. Я не плакала. Я не могла. Просто смотрела в темноту под одеялом и видела там только огонь. И его глаза. Последний его взгляд, прежде чем дверь захлопнулась. В нём не было упрёка. Там был ужас. И... прощание.

Я пролежала так, наверное, до утра. Криков, сирен, суматохи не было. Значит, пожар не увидели? Или увидели, но всем было всё равно? Димка... Димка...

Утром дверь открылась. Вошла не наша вечно невыспавшаяся воспитательница, а заведующая — суровая женщина в строгом костюме, а с ней — двое людей. Мужчина и женщина. Они не были похожи на наших посетителей — чиновников или спонсоров. Они были... другими. Одетыми просто, но чисто. Лица у них были напряжёнными, но добрыми. Женщина улыбнулась мне, и у неё были лучики вокруг глаз. Как сейчас у меня, фальшивые.

— Вот она, Леся, — сказала заведующая неестественно-ласковым голосом. — Девочка спокойная, послушная. Как раз для вас.

Я сидела на кровати, не в силах пошевелиться. Я была всё ещё там, в огне. В дыму.

Женщина подошла, присела на корточки. Её глаза были карими. Одинаковыми. Нормальными.

— Привет, Леся. Меня зовут Дана. А это Петр, мой муж. Мы бы хотели... познакомиться с тобой поближе.

Я молчала.

— Ты в шоке, бедняжка, — сказала Дана и мягко погладила меня по спутанным волосам. Её прикосновение было чужим, но тёплым. Оно пробилось сквозь лёд, и что-то во мне дрогнуло.

— Мы слышали, у вас тут ночью хулиганы шумели, — сказал Петр. У него был низкий, спокойный голос. — Ничего не случилось? Ты в порядке?

«Он горит!» — закричало всё во мне. Но губы не открылись. В горле встал тот самый ком, а в ушах зазвучал голос Артёма: «Найдём и сожжём тебя также... Тебя никто никогда не возьмёт...».

Я посмотрела на их лица. На добрые, полные надежды лица. Это был шанс. Единственный. Убежать. Выжить.

Я медленно, как кукла, покачала головой.

Заведующая выдохнула с облегчением.

— Видите? Тихая. Умница.

— Мы... мы готовы взять её сейчас, — сказала Дана, и её голос задрожал. — У нас уже всё готово. Комната, игрушки...

Судьба решалась за пять минут. Бумаги, которые уже были готовы, просто подписали. Мне велели собрать вещи. У меня ничего не было, кроме старого рюкзака с двумя сменами белья и потрёпанной книжкой сказок. Я одевалась механически. Когда мы выходили из корпуса, я увидела в дальнем конце двора, за гаражами, чёрный, обгорелый скелет нашего домика. Рядом никого не было. Ни пожарных, ни милиции. Просто чёрные доски на фоне серого неба. Как могила.

Я остановилась как вкопанная.

— Что там? — спросил Петр, следуя за моим взглядом.

— Старый, заброшенный дом, — быстро сказала заведующая, взяв меня под локоть и направляя к воротам. — Сгорел вот.

Меня посадили на заднее сиденье их чистой, пахнущей новизной иномарки. Дана села рядом, пристегнула меня ремнём, как будто я была хрустальной.

— *Всё хорошо, солнышко,* — прошептала она.

Машина тронулась. Я прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела, как детдом, это серое чудовище, уменьшается, а потом исчезает за поворотом. Я спаслась. Я вырвалась.

А он остался гореть.

ГЛАВА 2

Боль не забывается. Она становится тобой. Ты не помнишь, каково это — не болеть. Сначала она режущая, острая, белая от накала. Потом — глухая, ноющая, пульсирующая в такт сердцебиению. А потом она просто живёт под кожей, в сросшихся узлами мышцах, в потрескавшейся, как старая краска, коже. Она твой постоянный спутник, твой самый честный собеседник. Она напоминает: ты жив. Ты выжил. Хотя должен был умереть.

Меня зовут Дима Крылов. Но это имя умерло семнадцать лет назад в огне, вместе с мальчиком, который верил в дружбу, космос и одну-единственную девочку на всей планете по имени Лесёнок. То, что вылезло из пепла того сарая, — это не Дима. Это Тень. Призрак с алыми розами и чёрным, мёртвым глазом.

Мой правый глаз видит. Он голубой, как было. Он видит мир в холодных, чётких тонах. Видит пыль на солнце, капли дождя на стекле, ложь в глазах людей. Левый глаз — чёрный. Вернее, так кажется. На самом деле он мутно-серый, затянут бельмом, как грязное окно. В нём ничего нет. Только туман, и в этом тумане иногда всплывают отголоски того огня. Оранжевые сполохи. Последнее, что он увидел.

Ожоги. Кожа на левой стороне груди, на плече, на предплечье и ладони не гладкая. Она стянутая, бугристая, розово-багровая, похожая на воск, который капнул и застыл уродливыми наплывами. Рука не разгибается до конца. При малейшем холоде или стрессе шрамы наливаются багрянцем и ноют, как старые кости. Врачи делали что могли. Пересадки кожи. Пластика. Это заняло годы. Годы боли, белых потолков больниц, от которых тошнило. И всегда — в тишине. Потому что некому было прийти. Никто не держал за руку. Никто не говорил: «Держись, Дима».

Была только мысль о ней.

В первые дни, когда боль была адской, а сознание плавало в морфиновом тумане, я видел её. Чётко. Она стоит в дверном проёме, её разные глаза широко раскрыты от ужаса. Дождь за её спиной. И... её уводят. А дверь закрывается.

Она смотрела. Видела, как меня жгут. Видела, как дверь закрыли. И... не позвала на помощь.

Сначала я не верил. Думал, она побежала за помощью. Что вот-вот вернётся с взрослыми. Я кричал, задыхаясь в дыму, полз к двери, бился об неё обгоревшей рукой. Никто не пришёл. Только треск огня да запах горелого мяса — своего. Я выжил чудом. Каким-то инстинктом. Разбил плечом прогнившую доску в задней стенке, вывалился в грязь, в холодную октябрьскую воду. Тушил тлеющую одежду в луже. Потом полз. Не знаю куда. Просто полз, пока не потерял сознание у проезжей дороги.

Меня подобрала какая-то тётка, вызвала скорую. Потом — больница, приют, снова больница. Вопросы: «Как это случилось? Кто был с тобой?». Я молчал. Сначала, потому что физически не мог говорить — ожоги дыхательных путей. Потом, потому что её имя застревало в горле гвоздём. А потом... потом пришла ярость.

Она бросила меня. Она выбрала себя. Она спасла свою шкуру, пока я горел заживо. Её, такую красивую, особую, с разными глазами — её сразу забрали. А я, урод, остался гореть.

Ненависть — отличное топливо. Она греет лучше любви. Она даёт силы терпеть очередную операцию, ещё одну перевязку, когда с живого сдирают присохшую марлю. Она заставляет учиться. Не тому, чему учат в школе. Учиться быть невидимым. Слушать. Следить. Запоминать. Мой приёмный отец — нашёл меня и оформил опеку, угрюмый и одинокий волк по имени Виктор — не воспитывал меня. Он... тренировал. Видел во мне не сына, а проект. Живую куклу для отработки навыков выживания. Он научил меня драться грязно, стрелять, резать,

взламывать замки, обходить сигнализации. Он не дал мне любви. Он дал мне инструменты. Инструменты мести.

«Боль сделала тебя сильнее, — говорил он. — Боль и предательство. Запомни: все предадут. Вопрос — когда. Ты уже получил свой урок. Большие тебя не удивят».

И я запомнил.

Я вырос. Моё лицо — половинка мальчика, половинка монстра. Женщины отводили взгляд, мужчины смотрели с любопытством и брезгливостью. Я научился носить одежду, скрывающую шрамы, длинные рукава даже летом. Научился смотреть на людей одним глазом, наклоняя голову, чтобы спрятать мутный. Я стал тенью. Призраком.

А она... она стала звездой.

Впервые я увидел её на билборде три года назад. Реклама какого-то йогурта. Её лицо, большое, улыбающееся, с этими проклятыми, прекрасными разными глазами, смотрело на меня с высоты пяти этажей. У меня перехватило дыхание. Не от восторга. От удара. От того, как бешено забилось сердце и заныли старые ожоги. Леся Костенко. Актриса. Она сияла. Она была воплощением всего, что у меня отняли: красоты, нормальности, успеха, света.

Я нашёл всё о ней. Статьи, интервью, соцсети. Родители приёмные, конечно же, Петр и Дана — успешные врачи, живут в Германии. У неё всё есть. И у неё нет даже намёка на память. Ни в одном интервью — ни слова о детдоме. Ни слова о пожаре. Ни слова о мальчике по имени Дима. Она стёрла нас. Как стирают грязное пятно.

Тогда во мне что-то щёлкнуло. Холодный, ясный, безупречный в своей чудовищности план сложился сам собой. Она любит, когда на неё смотрят? Пусть смотрят. Пусть почувствует, каково это — быть объектом. Не восхищённого, а пристального, всевидящего, хищного взгляда. Взгляда из прошлого, которое не сгорело.

Подготовка заняла полгода. Я узнал её график, маршруты, привычки. Узнал про её ухажёров. Красивые, успешные, пустые мужчины, которых она меняла как перчатки. Егор, Аркадий, Влад, Захар, Игнат... Имена отскакивали от зубов, как проклятия. Они трогали её. Смеялись с ней. Думали, что имеют право.

Нет. Никто не имеет права. Кроме меня.

Проникнуть в её квартиру было просто. Дорогой новострой, охранники, которые клюют на удочку «сотрудника телекома» или «проверяющего системы вентиляции». Она уехала на двухмесячные съёмки в Прагу. Идеальное окно.

Я провёл в её логове три ночи. Дышал её воздухом. Касался её вещей. Спал в её постели, утыкаясь лицом в подушку, которая пахла её шампунем — чем-то цветочным и дорогим. Любовь и ненависть перемешались во мне в одно густое, удушающее чувство. Я мог убить её там и тогда. Задушить этой подушкой. Но это было бы слишком милостиво. Слишком быстро.

Она должна почувствовать. Должна понять.

Я установил камеры. Везде. В датчиках пожарной сигнализации в потолке каждой комнаты. В розетках. В рамке душевой кабины. В вытяжке на кухне. Объективы размером с булавочную головку. Беспроводная передача, зашифрованный сигнал, ретрансляторы на крышах соседних домов. Я вшил жучки в её диван, в изголовье кровати, в любимое кресло у окна. Я получил доступ ко всем её устройствам — телефону, ноутбуку, умной колонке. Я стал Богом в её маленьком, идеальном мирке. Я видел и слышал всё. Каждую ночь, проведённую в одиночестве. Каждый утренний ритуал с кофе. Каждый телефонный разговор.

И я видел их. Как они приходили. Как смеялись. Как она позволяла им целовать её шею, снимать с неё одежду. Камера в спальне давала кристально чёткую картинку. Я смотрел. Сжимал зубы до хруста, и шрамы на руке горели огнём свежее любого пламени. Я пил дешёвый виски и смотрел, как Лесёнок, моя единственная, предаёт меня снова и снова. С каждым из них.

Первый букет из 1001 розы я отправил в первую же субботу после её возвращения. Анонимно. Карточку не приложил. Пусть гадают. Пусть боится. Пусть чувствует, что за ней наблюдают.

Мой план был поэтичен в своей жестокости. Она лишила меня всего. Я лишу её чувства безопасности. Лишу её будущего. Будущего с кем-то ещё. Я буду убивать их у неё на глазах. Буду показывать ей, что любой, кто посмеет приблизиться, — умрёт. А в конце... в конце она останется одна. Совсем одна. Со мной. Со своим прошлым. Со своей виной. И тогда мы посмотрим, выдержит ли её сияющий мир столкновение с моим пеплом.

Первый был Егор. Молодой продюсер, самоуверенный щёголь. Он водил её на дорогие ужины и, судя по прослушке, обещал ей «большие роли» в обмен на благосклонность. Мерзавец.

Я выследил его неделю. Узнал, что по средам он поздно возвращается из фитнес-клуба на своём спортивном купе. Маршрут проходил по узкой набережной, плохо освещённой. Идеальное место.

Игра началась. И закончится она только тогда, когда мы останемся вдвоем. В пепле её разрушенной жизни.

ГЛАВА 3

Вечер начался слишком идеально, чтобы не кончиться кошмаром. Так всегда и бывает в кино: сначала идиллия, солнечные зайчики, музыка, а потом резкий скример, кровь и крики. Жизнь, как оказалось, любит голливудские клише. Только в кино ты можешь выключить экран. А в жизни — нет.

Егор забрал меня со съёмок в семь. У меня была маленькая, почти эпизодическая, но важная роль — плакать у окна в дождливую ночь. Я плакала пять дублей. Режиссёр остался доволен:

— Искренне, Костенко, очень искренне!

А я просто представила тот домик. И дождь за окном. И больше никакой работы над ролью не потребовалось.

— Ты выглядишь измученной, принцесса, — сказал Егор, открывая дверь своего чёрного Audi. — Тебе нужно развеяться. Я тебя удивлю.

Он всегда говорил так — немного свысока, с лёгкой снисходительностью, как будто я была не актрисой, а милой, но глуповатой девочкой, которую нужно развлекать. И я позволяла. Потому что это было легко. Не нужно думать, не нужно решать. Просто плыть по течению его денег, его связей, его уверенности.

Мы поехали в новый ресторан на крыше. Вид на ночной город, залитую неонам, был ослепительным. Шампанское, устрицы, его рука на моей колене. Он рассказывал о новом проекте, о том, как может продвинуть меня. Его слова обволакивали, как тёплый сироп: сладкие, липкие, парализующие. Я улыбалась, кивала, смотрела на огни города и думала, что с этой высоты все люди должны казаться букашками.

Всю дорогу назад, в его машине, с мягким кожаным салоном, пахнущим деньгами и его парфюмом, меня не покидало странное ощущение. Как будто за мной наблюдают. Не абстрактно, а буквально. Чувство тяжёлого, пристального взгляда в спину. Я оборачивалась — сзади неслись фары других машин, безликие, равнодушные.

— Что-то не так? — спросил Егор, переключая передачу.

— Нет, — солгала я. — Просто устала.

Но это была не усталость. Это был страх. Тот самый, детский, из-под одеяла.

Мы подъехали к моему дому. Я живу в башне из стекла и бетона, одном из тех, что как кристаллы выросли в некогда спальном районе. Моя квартира на двадцать втором этаже. Окна от пола до потолка. Иногда, когда туман, кажется, что паришь в облаках. А иногда, как сейчас, кажется, что ты в аквариуме, а снаружи, в тёмной воде, плавают чудовища.

— Приглашаешь? — Егор выключил зажигание и повернулся ко мне. В свете фонаря его лицо было красивым и пустым. Гладким, как экран выключенного телефона.

Я колебалась. Мне хотелось одного — принять таблетку от тревоги, которую мне помогает всё забыть и провалиться в сон. Но одиночество в этой огромной, прозрачной коробке пугало ещё больше.

— Да, — сказала я. — Заходи. Я приготовлю кофе.

— Кофе? — ухмыльнулся он. — Я думал о чём-то покрепче.

Мы прошли через холл с вечно улыбающимся консьержем, сели в лифт. Зеркальные стены отражали нас бесконечное число раз. Меня в смятой шёлковой блузке и юбке, его в идеально сидящем тёмно-синем пиджаке. Он обнял меня за талию, притянул к себе. Его дыхание пахло мятой и алкоголем.

— Ты сегодня невероятна, — прошептал он. — Когда ты плакала на съёмках... у меня сердце оборвалось.

Ложь. Красивая, отполированная ложь. Я знала, что он говорит такие вещи всем своим девушкам. Но почему-то именно сейчас это прозвучало как-то особенно фальшиво. Как будто он читал по суфлеру.

Лифт прибыл. Тихий динг. Дверь открылась прямо в мой холл. Я провела пальцем по сканеру отпечатка, щёлкнул замок.

Я всегда любила возвращаться домой. Любила этот запах — свежего белья, дорогой парфюмированной свечи, тишины. Но сегодня, переступив порог, я замерла. Что-то было не так. Воздух стоял неподвижный, слишком густой. Как будто в квартире кто-то только что был и затаился. Абсурд. Я же сама установила систему безопасности. Никто не мог войти.

— Роскошно, — сказал Егор, снимая пиджак и бросая его на спинку дивана. Он вел себя как хозяин. Развалился, закинул ногу на ногу.

— Спасибо, — машинально ответила я. — Вино в мини-баре. Я... пойду переоденусь.

Я почти побежала в спальню, закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной, слушая стук своего сердца. Что со мной? Паническая атака? Предчувствие?

Я переоделась в просторную белую рубашку и мягкие льняные брюки. Умылась. Вода была ледяной, но не сняла внутреннего жара. Я посмотрела на своё отражение в зеркале. Карие и зелёные глаза смотрели на меня широко, почти испуганно.

— Соберись, — приказала я себе. — Ты в своей квартире. Ты в безопасности.

Но чувство безопасности не приходило.

Когда я вышла в гостиную, Егор уже разливал красное вино по бокалам. Он включил негромко джаз. Свечи горели на низком столике.

— Нашёл, — улыбнулся он. — Твой любимый, каберне.

Я взяла бокал, сделала глоток. Вино было терпким, с нотками дуба и чернослива. Оно должно было согреть, расслабить. Но комок в горле не исчезал.

Егор подошёл вплотную. Он взял мой бокал и поставил его на стол. Его руки легли на мои бока, пальцы впились в ткань рубашки.

— Я скучал по тебе, — сказал он, и его губы коснулись моей шеи, чуть ниже мочки уха. — Целый день думал об этом моменте.

Я закрыла глаза. Его прикосновения были привычными, натренированными. Они не вызывали отвращения, но и восторга — тоже. Это был ритуал. Часть игры под названием романтика. Я поставила руки ему на грудь, ощущая под ладонями его водолазки, тёплое, живое тело.

Он поцеловал меня. Настойчиво, властно. Вкус вина. Я отвечала, стараясь утонуть в этом ощущении, заглушить им тревогу. Чтобы мысли остановились. Чтобы перестать чувствовать этот тяжёлый, невидимый взгляд.

Мы переместились на диван. Я вздрогнула — его пальцы были холодными.

— Ты дрожишь, — прошептал он, не отрывая губ. — Не бойся.

Я не боялась его. Я боялась чего-то другого. Этой тишины в квартире, нарушаемой только нашим дыханием и хрипловатым саксофоном из колонок. Боялась огромных тёмных окон, за которыми висела ночь. В них отражались мы: две фигуры на диване, сплетённые в неестественном, почти театральном объятии.

Он отстранился, чтобы снять свою водолазку. На секунду его тело заслонило от меня окно. И в эту секунду я увидела.

В отражении. В тёмном стекле.

За нами. В дверном проёме, ведущем из холла в гостиную стояла фигура. Высокая, массивная, одетая во всё чёрное. Чёрный, мешковатый, но чётко очерченный силуэт, напоминающий форму с накладками на плечах и груди. Бронежилет. Голова была скрыта чёрной бала-

клавой, оставляющей прорезь для глаз. Фигура стояла совершенно неподвижно. Как статуя. Как призрак.

Ледяная волна прокатилась от макушки до пят. Время замедлилось, стало тягучим, как смола. Звуки — наше дыхание, музыку — словно выключили. В ушах зазвенела абсолютная тишина.

— Что?.. — начал Егор, заметив, что я замерла, уставившись куда-то за его спину.

Он начал оборачиваться.

Фигура в дверях плавно, почти лениво подняла руку. В чёрной перчатке, сливающейся с материалом рукава, чётко вырисовывался силуэт пистолета с длинным, цилиндрическим насадком-глушителем.

Я не закричала. Воздух застрял в лёгких, превратившись в камень.

Раздался звук. Не громкий, не оглушительный, как в кино. Глухой, влажный, приглушённый. Плюх. Как будто уронили на ковёр тяжёлый мешок с песком.

Голова Егора дёрнулась. С правой стороны, чуть выше виска, появилось маленькое, аккуратное отверстие. Крошечное. Из него медленно, вытекла струйка крови. Она поползла по его щеке, тёмная, почти чёрная в полумраке.

Его глаза — широко распахнутые, полные непонимания — смотрели на меня. В них не было боли ещё. Только шок. Глубочайшее удивление. Его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать. Его тело, только что живое, тёплое, тяжёлое, обмякло и всей своей массой рухнуло на меня, придавив к дивану.

Тёплая, липкая влага разлилась у меня по шее, затекла за воротник рубашки. Кровь. Его кровь.

Я лежала, парализованная, придавленная его трупом. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Не могла отвести глаз от дверного проёма.

Фигура убийцы не двинулась с места. Я чувствовала его взгляд. Пристальный, изучающий.

Затем он сделал шаг вперёд. Бесшумный. Его чёрные ботинки с толстой подошвой не издали ни звука на паркетном полу. Он подошёл к дивану, остановился над нами. Над мной и мёртвым Егором.

Он наклонился. Его чёрная перчатка появилась в поле моего зрения. В пальцах он держал один-единственный цветок. Алую розу. Совершенной формы, с полураскрытым бутонem. Он протянул руку и с почти нежным, бережным жестом положил розу на грудь Егора. Прямо на белую ткань водолазки, куда уже начинала расползаться алая лужица крови от раны на голове.

Цветок лёг идеально. Яркое, бархатное пятно на фоне белого и красного.

Убийца выпрямился. Он снова посмотрел на меня. На несколько секунд, которые показались вечностью. Потом он медленно, как бы нехотя, повернулся и тем же бесшумным шагом пошёл к выходу. Не побежал. Не суеился. Он просто ушёл, растворившись в тени холла. Через мгновение я услышала едва уловимый щелчок входной двери.

Тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.